

П Р И Б А В Л Е Н І Я

къ

ЦЕРКОВНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СУНОДѢ.

№ 9

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 9

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АНТОНІЙ (АМФИТЕАТРОВЪ),

АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКІЙ и СВЯЖСКІЙ ¹⁾.

Преосвященный Антоній, бывший архіепископъ Казанскій и Свяжскій, въ мірѣ назывался Яковъ Гавріиловичъ Амфитеатровъ.

Фамилія Амфитеатровыхъ принадлежала той благословенной Богомъ семьѣ, изъ которой въ минувшемъ столѣтіи явились достойные представители на поприщѣ служенія Церкви и духовной наукѣ.

Во главѣ этой семьи и самой фамиліи былъ высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, знаменитый въ іерархахъ російской Церкви, святительствовавшій 38 лѣтъ. За нимъ слѣдовали три родные племянника его, находившіеся подъ болѣе

или менѣ ближайшимъ руководствомъ и вліяніемъ его: первый—Яковъ Космичъ Амфитеатровъ, блестящій профессоръ Кіевской духовной академіи, авторъ замѣчательныхъ церковно-гомілетическихъ сочиненій и образцовый проповѣдникъ; второй—Георгій Васильевичъ Амфитеатровъ, заслуженный профессоръ Московской духовной академіи, печатавшій свои ученыя статьи въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ», и третій—помянутый выше Яковъ Гавріиловичъ Амфитеатровъ, впоследствии преосвященный Антоній, ученый и высокопросвѣщенный архіепископъ Казанскій.

Въ Бозѣ почившій святитель былъ сынъ младшаго брата митрополита Филарета, протоіерея Калужской Архангельской церкви о. Гавріила. Родился 15 октября 1815 года. Когда наступилъ ему пятый годъ отъ рожденія,

¹⁾ Предлагаемыя біографическія свѣдѣнія о просвященномъ Антоніи заимствованы изъ обширнаго труда архимандрита Сергія (Василевскаго): «Высокопреосвященный Антоній (Амфитеатровъ), архіепископъ Казанскій и Свяжскій». Т. I и II. Казань. 1886 г.

преосвященный Филаретъ, въ то время епископъ Калужскій, взялъ его къ себѣ въ архіерейскій домъ и съ отеческою любовію воспитывалъ его, можно сказать, на своихъ колѣняхъ, до десятилѣтняго возраста. Здѣсь, подъ вліяніемъ владыки-аскета, начало развиваться и въ юномъ племянникѣ его религиозно-аскетическое настроеніе. Преосвященный Антоній рассказывалъ, что въ ту пору, какъ дядя владыка совершалъ бывало свои самыя продолжительныя ночныя моленія, тоже и онъ вставалъ тихонько съ постели и начиналъ молиться, доколѣ сонъ окончательно не одолевалъ его. Святитель самъ обучалъ племянника первоначальной грамотѣ; рассказывалъ ему житія святыхъ и на седьмомъ году жизни сдѣлалъ его церковникомъ, посвятивъ его въ стихарь и назначивъ жезлоносцемъ при своихъ архіерейскихъ служеніяхъ. Самъ же святитель руководилъ его и въ занятіяхъ учебныхъ, когда поступилъ онъ въ Калужское духовное училище. Такое же внимательное участіе во всемъ дальнѣйшемъ обученіи любезнаго племянника въ училищѣ и семинаріи продолжалось со стороны преосвященнаго Филарета и заочно, когда Филаретъ служилъ въ Рязани и въ Казани, и усугубилось, когда племянникъ лишился отца. «Сдѣлайте милость, — писалъ преосвященный роднымъ его, — старайтесь, чтобы Яковъ питалъ себя возможно болѣе чтеніемъ священныхъ книгъ (хотя бы на латинскомъ языкѣ). Для этого хорошо бы купить для него Библію латинскую (Кастелліона), и чтобы онъ читалъ между прочимъ Сираха, Псалтирь и Новый Заветъ». Нерѣдко посылалось племяннику рублей по 50 на книги и на приличную одежду.

Во время обученія Якова Гавріиловича въ философскомъ классѣ, началась глубоко назидательная для него, дышавшая сердечною любовію къ нему, пере-

писка съ нимъ Якова Косьмича Амфитеатрова, бывшаго въ это время бакалавромъ Кіевской академіи. Въ письмѣ къ Пасхѣ Яковъ Косьмичъ писалъ своему двоюродному брату: «Молю воскресшаго Спасителя, да воскреситъ, возраститъ и утвердитъ Онъ въ душѣ твоей новыя, свѣтлыя, святыя и радостныя идеи, и въ сердцѣ твоёмъ новыя, свѣтлыя и прекрасныя чувства, и во всемъ существѣ твоёмъ новыя силы и новую жизнь. Право! желаю единого, чтобы ты, мой милый, цвѣлъ, какъ благовонный цвѣтокъ, въ саду Христовомъ; и былъ бы утѣхою и наслажденіемъ не только въ средѣ людей, но и ангеловъ».

По переходѣ Якова Гавріиловича изъ философскаго въ богословскій классъ, Яковъ Косьмичъ писалъ къ нему: «Изучай теперь паче и паче слово Божіе и Богословіе. Здѣсь истинная мудрость, и, слѣдовательно, и покой и насыщеніе для души, жаждущей вѣдѣнія; здѣсь же и глубокій, вѣрныи взглядъ и на міръ и природу и на время и вѣчность... Будетъ пора, другъ мой, когда разумъ человѣчскій въ лицѣ избранныхъ мыслителей воплѣтнется въ послушаніе вѣры, и когда вся истинная философія оснуется на живомъ и дѣйственномъ глаголѣ Господнемъ. Старайся же и ты, милый другъ мой, назидать и вкоренять душу твою и вся помышленія твоя въ словѣ Божіемъ. Оно не отъ земли и потому неземное; оно гласъ изъ міра небеснаго, духовнаго, — отсюда, гдѣ обитаетъ вѣчный свѣтъ и истина и вѣчная красота, гдѣ открывается для насъ земнородныхъ непостижимая здѣсь сущность, порядокъ и законъ всего существующаго и гдѣ наше вѣчное житіе».

По окончаніи семинарскаго курса въ 1835 году, Яковъ Гавріиловичъ Амфитеатровъ, какъ лучший студентъ, поступилъ въ Кіевскую духовную ака-

демію. Здѣсь снова приблизился онъ лицомъ къ лицу къ преосвященному Филарету, возведенному въ 1837 году въ санъ митрополита Кіевскаго. Встрѣча дяди-митрополита и племянника-студента, послѣ 12-лѣтней разлуки, была для обоихъ особенно пріятна и радостна.

Изъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи, студентъ Амфитеатровъ оказывалъ особенно блестящіе успѣхи по богословскимъ наукамъ. Успѣхи эти обусловливались съ одной стороны его прекрасными способностями и прилежаніемъ, а съ другой высокими достоинствами въ научномъ отношеніи бывшихъ въ ту пору профессоровъ богословія, въ первомъ ряду коихъ стояли Иннокентій (Борисовъ), Димитрій (Муретовъ) и Я. К. Амфитеатровъ.

Въ воскресенье и праздничные дни студентъ Амфитеатровъ посѣщалъ Кіевопечерскую лавру. Здѣсь весьма благотворное и спасительное дѣйствіе производили на него почивающіе въ пещерахъ угодники Божіи, просіявшіе нетлѣвнѣмъ своихъ останковъ, затѣмъ величественное богослуженіе со всею полнотою и строгостію исполненія, въ частности глубоко умилительное пѣніе и, наконецъ, сближеніе съ духовными старцами лавры и Голосѣвской пустыни, въ особенности съ знаменитымъ подвижникомъ того времени іеросхимонахомъ Паревніемъ.

Въ свободное отъ занятій и богослуженія время Яковъ Гавриловичъ любилъ играть на гусяхъ. Гусли въ тогдашнія времена составляли одинъ изъ благородныхъ инструментовъ въ академіи и между студентами и въ средѣ лицъ служащихъ, даже монашествующихъ. Яковъ Гавриловичъ слылъ за отличнаго знатока въ игрѣ на гусяхъ. Товарищи любили окружать его въ это время и сопровождали игру пѣніемъ.

По окончаніи академическаго курса въ 1839 году со степенью маистра, Яковъ Гавриловичъ Амфитеатровъ былъ опредѣленъ бакалавромъ греческаго языка въ той же Кіевской академіи. 12 сентября 1840 года постриженъ дядею митрополитомъ въ монашество съ именемъ Антонія, а 15 сентября рукоположенъ имъ въ іеромонаха.

Одновременно іеромонахъ Антоній назначенъ ректоромъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища, по ходатайству митрополита Филарета. «Я самъ,—говорилъ преосвященный Филаретъ,—началь учебную службу съ низшимъ классомъ, а затѣмъ,—о чемъ и во снѣ, конечно, не гадалъ,—попалъ даже въ ректоры академіи. Ты же, хотя попалъ на службу прямо въ академію, но, какъ теперь монахъ, не отрицайся принять и это служеніе въ низшемъ заведеніи, какъ возлагаемое на тебя послушаніе. Есть пословица: «плохой тотъ генералъ, который не могъ быть хорошимъ простымъ солдатомъ». И я тебѣ говорю, начинай снизу, съ самаго основанія, и тогда если Господь судить дойти и до верха заслуженнаго, первое будетъ всегда на пользу особенную и для втораго высшаго въ дѣлѣ опытности».

Въ 1841 году іеромонахъ Антовій опредѣленъ инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Кіевскую семинарію, а въ 1845 году назначенъ ректоромъ названной семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Въ первые три года ректорства архимандритъ Антоній, по предложенію дяди-митрополита, составилъ и издалъ въ свѣтъ «Догматическое Богословіе православной католической восточной Церкви». Въ рукописи оно было тщательнѣе рассмотрѣно и одобрено митрополитомъ Филаретомъ. Преосвященный Филаретъ писалъ автору изъ Петербурга: «прочитайъ изъ Догматики,

тобою составленной, введеіе и трактать о Богѣ Единомъ и тріипостасномъ, зѣло утѣшаюсь о благодати Духа Святаго, свѣтомъ своимъ озаряющаго твоє доброе и дѣвственное сердце. Возгрѣвай, сыне возлюбленне о Господѣ, даръ Божій пребываніемъ въ молитвѣ и цѣломудріи и продолжай весьма полезный трудъ твой... Что въ твоихъ урокахъ замѣчательно, это—главное направленіе къ православію, преподаанному намъ святою вселенскою Церковію».

Въ 1848 году Святѣйшій Синодъ обратилъ особенное вниманіе на учебный трудъ архимандрита Антонія и учинилъ слѣдующее постановленіе: 1) Такъ какъ духовныя семинаріи доселѣ не имѣютъ по классу Догматическаго Богословія печатнаго руководства на русскомъ языкѣ, которое бы вполнѣ удовлетворяло требованіямъ сей науки, составляющей главный и важнѣйшій предметъ духовнаго образованія, Богословіе же архимандрита Антонія составлено имъ подъ непосредственнымъ руководствомъ преосвященнаго Филарета, митрополита Киевскаго, и по разсмотрѣніи одобрено въ учебномъ отношеніи конференціями С.-Петербургской и Киевской академій; то вѣсть немедленно сію книгу въ классическое употребленіе во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ. 2) Преосвященному митрополиту Киевскому Филарету за архипастырское руководство въ составленіи сего столь полезнаго въ учебномъ отношеніи сочиненія, совершенно согласнаго съ духомъ ученія православной каѳолической Церкви, изъявить отъ лица Святѣйшаго Синода полную признательность. 3) Архимандрита Антонія, въ уваженіе какъ вообще усердныхъ и полезныхъ трудовъ его по преподаванію богословскихъ наукъ въ семинаріи, такъ, въ особенности, по вниманію къ настоящему опыту высшаго духовнаго просвѣщенія, представленному имъ во

новь составленномъ сочиненіи, возвестъ на высшую ученую степень доктора богословія».

Въ 1851 году архимандритъ Антоній, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія и проповѣди слова Божія, назначенъ ректоромъ Киевской академіи и настоятелемъ Киево-братскаго Богоявленскаго монастыря. Академія приняла такое назначеніе, какъ вполнѣ соотвѣтствовавшее ея достоинству по самому уже ученому званію новоназначеннаго лица, какъ доктора богословія.

Съ наставниками академіи ректоръ архимандритъ Антоній былъ въ добрыхъ отношеніяхъ. Оставаясь строгимъ аскетомъ и постникомъ, онъ любилъ товарищескіе пріемы у себя или свиданія у сослуживцевъ ради откровенной неофициальной бесѣды, хотя о дѣлахъ нерѣдко официальныхъ.

На студентовъ о. ректоръ старался дѣйствовать болѣе мѣрами отеческаго назиданія, убѣжденія, чѣмъ устрашенія и казанія. Большое вниманіе обращалъ онъ на виѣшность студентовъ, проводя чрезъ нее вліяніе на внутреннюю сторону. Съ нескрываемымъ чувствомъ отмѣчалъ въ своихъ понятіяхъ всѣхъ, выдѣлявшихся умѣньемъ держать себя возможно прилично и въ манерахъ и въ одеждѣ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что нѣкоторые изъ студентовъ имѣли входъ въ хорошіе дома. Въ его же время нерѣдко почтенные отцы семействъ съ особеннымъ довѣріемъ вручали воспитаніе дѣтей своихъ нѣкоторымъ изъ студентовъ.—Слѣдую примѣру о. ректора, многіе студенты имѣли похвальное усердіе бывать въ церкви не только за поздней литургіей, но и за ранней. Нѣкоторые успѣвали раннимъ утромъ побывать въ лаврѣ въ пещерахъ и возвращались къ поздней литургіи въ братскій академическій храмъ.—Въ послѣдніе годы Крымской

войны и до самаго конца своего ректорства архимандритъ Антоній все свое жалованье по должности ректорской и профессорской передавалъ эконому въ восполненіе разныхъ недостатковъ въ экономіи по содержанію студентовъ.

Какъ профессоръ, архимандритъ Антоній былъ человѣкъ сильной вѣры, глубокаго убѣжденія, живой любви къ истинѣ. Въ какомъ духѣ, направленіи и характерѣ составлялось имъ его Догматическое Богословіе, таково же было и самое его преподаваніе. Такая тожественность наглядно доказывалась уже тѣмъ самымъ, что бывало о. Антоній не иначе являлся въ аудиторію, какъ съ своею же Догматикою въ рукахъ. Видно было, какъ на душѣ его лежала одна забота, одна задача, чтобы все, содержащееся въ Догматикѣ въ сжатомъ, но твердомъ, строгомъ, ясномъ и отчетливомъ видѣ, преподавать во всей полнотѣ, и чтобы при этомъ внушить и вѣдрить въ слушающихъ вѣрующую мысль о томъ, чтобы богопреданное ученіе православной Церкви сохранять во всей чистотѣ и непримраженности къ нему никакого свободнаго слова. Все это совершалось имъ въ благоговѣйномъ молитвенномъ расположеніи духа. Въ концѣ класса обыкновенно въ лицѣ его выступалъ нѣжный дѣвственный румянецъ.

Особенное вниманіе обращалъ отецъ ректоръ на проповѣди, по одобренію профессора назначавшіяся къ произношенію. Онъ самъ не мало исправлялъ ихъ и когда назначалъ кому говорить за поздней или ранней литургіей, требовалъ къ себѣ студентовъ и руководилъ ихъ по части произношенія. По проповѣдямъ онъ болѣе всего опредѣлялъ и даровитость и настроеніе студентовъ; цѣнилъ по преимуществу тѣ проповѣди, въ коихъ видѣлъ много текстовъ изъ Священнаго Писанія, свидѣтельствъ святоотеческихъ и, наконецъ,

изъ богослужебныхъ книгъ. Такія проповѣди онъ называлъ истинно церковными, назидательными; въ противномъ случаѣ говорилъ: «это не проповѣдь, а свѣтское литературное фразерство».

Съ ревностію занимаясь дѣломъ редакцірованія «Воскреснаго Чтенія», архимандритъ Антоній въ то же время печаталъ въ немъ и свои истематическіе трактаты по двумъ богословіямъ нравственному и пастырскому. Въ составленіи этихъ трактатовъ преосвященный Филаретъ принималъ такое же участіе, какъ и въ составленіи Догматическаго богословія. Кромѣ сказанныхъ богословій архимандритъ Антоній напечаталъ отдѣльными изданіями слѣдующія сочиненія свои: 1) «Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами», написанныя имъ въ видѣ образцовъ для воспитанниковъ семинаріи, какъ будущихъ сельскихъ пастырей; 2) «Описаніе жизни Кіевопечерскаго старца іеросхимонаха Пароенія» и 3) «Послѣдніе дни жизни и кончина высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Кіевскаго».

Для преосвященнаго Филарета архимандритъ Антоній былъ въ родѣ домашняго секретаря и вообще сотрудника его въ дѣлахъ и занятіяхъ. Онъ неотступно былъ у смертнаго одра первосвященника до послѣдняго его вздоха и, при всей глубокой скорби, утѣшался живѣйшею вѣрою, что взиралъ на кончину праведника, послѣдовавшую 21 декабря 1857 года.

Ректорство о. Антонія въ Кіевской академіи продолжалось семь лѣтъ.

30-го марта 1858 года архимандритъ Антоній хиротонисанъ во епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи, а 31 октября 1859 года назначенъ епископомъ Смоленскимъ.

Съ первыхъ же поръ своего служенія въ Смоленскѣ преосвященный Антоній ввелъ въ богослуженіе многое по чину и образцу Кіево-Печерскому.

Одинъ смоленскій старецъ архимандритъ говорилъ: «Если въ чемъ долгъ правды требуетъ отдать всю истинно-святительскую честь нашему владыкѣ, такъ именно въ его усердіи къ службѣ. Нашъ Смоленскъ теперь и узнать нельзя сравнительно съ тѣмъ, что было прежде. Самые знатные господа и госпожи, которыхъ бывало когда-когда увидишь въ соборѣ, теперь какъ бы наперерывъ являются какъ къ обѣднямъ, такъ и ко всемогущимъ. Всемогущихъ-то архіерейскихъ прежде почти никогда и не бывало, а теперь, напротивъ, рѣдко и небольшой праздникъ проходить, чтобы не было литіи и величанія, на которыхъ всегда самъ владыка. И не смотря на то, что эти всемогущія иногда продолжались не только три-четыре часа, но и болѣе, всё, какъ говорится, не шелохнется до самаго окончанія и даже во множествѣ провожаютъ владыку чуть не до самыхъ покоевъ, — стараясь наперерывъ принять его благословеніе».

При совершеніи священнослуженій ни въ произношеніи, ни въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ преосвященнаго нельзя было подмѣтить и тѣни расчитанности на что-либо показное. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда явственно выступали въ немъ самыя глубокія благоговѣйныя чувствованія, и тутъ ни въ одной чертѣ и выраженіи лица не проявлялось у него ничего въ родѣ порывовъ особаго умиленія или воспаренія духа. Онъ былъ весь олицетвореніе сосредоточенности. Въ минуты только по причащеніи святыхъ Таинъ нельзя было не видѣть особеннаго проявленія въ лицѣ его въ видѣ тонкаго какъ бы сквозящаго румянца и свѣтлости въ глазахъ.

Священникамъ епископъ Антоній настоятельно предлагалъ вчитываться глубже и сердечнѣе въ «Бесѣды объ отпущеніи Церкви къ христіанамъ» Я. К. Амфитеатрова, чтобы развить и укрѣ-

пить въ себѣ духъ церковности. Нерѣдко указывалъ онъ пастырямъ Церкви на то, какъ сами они принижаютъ себя, когда при встрѣчѣ и привѣтствіяхъ съ своими прихожанами, особливо чѣмъ-либо выдающимся, готовы первые подать имъ руку вмѣсто того, чтобы этою же рукою преподать благословеніе съ такимъ чувствомъ и видомъ, чтобы принявшій благословеніе душевно почувствовалъ и воздалъ священный долгъ цѣлованіемъ руки благословляющей.

Убѣдился преосвященный изъ несомнѣнныхъ фактовъ, что совершеніе священниками исповѣди страдаетъ многими недостатками, происходившими отъ небрежности, неопытности и, просто, отъ неумѣнья священниковъ. Въ вызванномъ этими недостатками циркулярѣ владыка писалъ: «Архипастырскимъ долгомъ считаю напомнить и внушить всѣмъ приходскимъ священникамъ, чтобы они потщались всѣми силами впредъ совершалъ святое таинство исповѣди съ крайнимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, какъ подобаешь истиннымъ врачамъ духовнымъ, пастырямъ душъ, вѣрнымъ строителямъ таинъ Божіихъ и раздавателямъ даровъ благодатныхъ. Для сего рекомендую всѣмъ, а тѣмъ болѣе неопытнымъ въ дѣлѣ исповѣди, руководствоваться прилагаемымъ при семъ изложеніемъ вопросовъ, самымъ внимательнымъ образомъ соображаясь съ званіемъ и состояніемъ, поломъ и возрастомъ кающихся, и, съ симъ вмѣстѣ, внушаю часто прочитывать и твердо помнить относящіяся къ сему дѣлу, изложенныя въ книгѣ «О должностяхъ приходскихъ пресвитеровъ» въ главѣ III §§, начиная съ 105 по 114 включительно, и руководствоваться въ своей практикѣ изложенными тамъ правилами». Циркуляръ этотъ напечатанъ въ № 3 «Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1866 годъ, гдѣ помѣщено и самое

изложеніе вопросовъ на исповѣди по порядку десяти заповѣдей.

Въ слѣдъ за исповѣдію мірянъ напечатано было въ «Вѣдомостяхъ» то же и по отношенію къ исповѣди самихъ священниковъ въ числѣ 30 вопросовъ. «Дознано было мною, писалъ преосвященный Антоній, что нѣкоторые священники исповѣдуемы были духовниками какъ міряне, а пные священники вовсе не знали объ исповѣди для лицъ духовныхъ». Въ этихъ видахъ и самая исповѣдь напечатана въ «Вѣдомостяхъ» крупнымъ шрифтомъ.

Ревностно заботясь о благѣ своей наставы, преосвященный Антоній имѣлъ особенное попеченіе о монастыряхъ, какъ разсадникахъ вѣры и благочестія для православнаго народа.

Обозрѣвая монастыри, преосвященный Антоній не оставлялъ безъ посѣщенія и братскихъ келлій, трапезныхъ, просфорныхъ и другихъ помѣщений. При этихъ посѣщеніяхъ никогда не являлся въ средѣ братія въ одѣяніи архіерейскомъ, а въ простой люстриновой ряскѣ и въ черной шапочкѣ-скуфейкѣ, а вмѣсто трости имѣлъ какой-либо въ рукахъ костылекъ. Посѣщенія эти не ограничивались стѣнами монастыря. По преимуществу вскорѣ послѣ литургіи и чаю преосвященный Антоній почти всегда отправлялся за ограду монастырскую, гдѣ есть часовни или колодцы, чествуемые народомъ, или на пасѣки или, наконецъ, просто въ лѣсъ или въ поля, на разстояніи иногда не близкомъ, версты на двѣ и болѣе. И тутъ бывало сопутствовали ему группами и вереницами всѣ, кто только могъ и хотѣлъ, духовные и міряне, взрослые и дѣти.

Любитель природы, съ духовнымъ возрѣніемъ на явленія и красоты ея, преосвященный Антоній постоянно обращался или къ всѣмъ, или къ кому въ частности съ самыми простодуш-

ными, видимому, вопросамъ, вопросами или изреченіями, по преимуществу свято-отеческими. Пришедши, напримѣръ, къ колодцу и, собственноручно почерпая какимъ-нибудь деревяннымъ ковшомъ воду, онъ, обращаясь къ кому-либо изъ монашествующихъ, приговаривалъ: «Вотъ гдѣ, честный отче, благовременно вспомнить слова псалмопѣвца: *яко же елень жаждетъ на источники водныя, сице и душа моя жаждетъ къ Тебѣ, Боже*». Находясь на пасѣкѣ и осматривая ульи, обращался или къ настоятелю или къ пасѣчнику съ словами: «вотъ когда бы и ваши келліи обратились какъ бы въ нѣкіе ульи пчель, неустанныхъ дѣлателей меда— истинно богоугодныхъ подвиговъ и добродѣтелей и себѣ во спасеніе и другимъ въ назиданіе и на пользу душевную».

Со всею тщательностію и торжественностію совершалъ преосвященный Антоній въ Смоленскѣ крестные ходы, установленные въ воспоминаніе историческихъ событій. Особенно замѣчательны по самому значенію воспоминаемыхъ при нихъ событій въ судьбахъ Смоленска два бывающіе ежегодно вокругъ стѣнъ и башенъ, «израженныхъ» древними стѣнобитными орудіями и пушечными ядрами въ позднѣйшее время (въ 1812 г.). Судя по мѣстности, окаймленной стѣнами и башнями, и въ добрую погоду съ трудомъ можно пробираться по высокимъ крутизнамъ съ обрывами и разъявленными и индѣ по самымъ узкимъ проходамъ; но преосвященнаго Антонія нельзя было отклонить отъ участія въ совершеніи этихъ ходовъ и въ ненастную пору. И этотъ примѣръ его усердія дѣйствительно заставлялъ и прочихъ забывать всѣ трудности на всемъ пространствѣ шествія.

Послѣ семилѣтняго святительства Антонія въ Смоленскѣ преосвященный Анто-

ній въ 1866 году перемѣщенъ на Казанскую кафедру, гдѣ вскорѣ и возведенъ въ санъ архіепископа. Казань приняла владыку съ радостію и съ утѣшительными надеждами, какъ родственника по плоти и по духу бывшаго Казанскимъ архіепископомъ Кіевского митрополита Филарета, пламеннаго ревнителя православія, девять лѣтъ пасшаго Казанскую церковь и оставившаго въ ней самую свѣтлую память.

Новоприбывшій въ Казань архіепастырь со всюю энергіею принялся за устройство миссіонерскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Съ этою цѣлію онъ всѣми зависящими отъ него мѣрами настаивалъ на усиленіи преподаванія миссіонерскихъ наукъ въ здѣшней духовной академіи и семинаріи, покровительствовалъ крещено-татарской центральной школѣ, учрежденной бывшимъ профессоромъ академіи, впоследствии директоромъ Казанской инородческой учительской семинаріи Н. И. Ильминскимъ, основалъ нѣсколько монастырей, мужскихъ и женскихъ; учредилъ извѣстное Казанское братство святаго Гурія, имѣющее главною цѣлію просвѣщеніе инородцевъ и вразумленіе заблуждающихся; всячески содѣйствовалъ изученію приходскими священниками инородческихъ языковъ, особенно татарскаго языка, и съ этою цѣлію для поощренія ревностныхъ въ этомъ дѣлѣ [священниковъ исходатайствовалъ у Святѣйшаго Синода значительные добавочные къ ихъ казенному жалованью оклады. Видимыми плодами неослабныхъ усилій Казанскаго архіепастыря было то, что отпаденія крещеныхъ татаръ массами въ здѣшнемъ краѣ прекратились.

Какъ въ Смоленскѣ, такъ и въ Казани весьма часто назидалъ преосвященный своихъ чадъ о Господѣ словомъ спасительной истины. Изданныя

въ свѣтъ бесѣды и поученія его полны сердечнаго безыскусственнаго краснорѣчія, убѣдительны по силѣ назиданія и соединяются вмѣстѣ съ глубокою богословствующею мысли сколько стройно-прекрасною формою, столько же простоту въ выраженіяхъ и, потому, всегда доступны для разумнѣя и усвоенія всѣми и малообразованными и даже простыми изъ пасомыхъ.

Много заботился преосвященный Антоній о Казанскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Съ особенною же сердечностію относился онъ къ духовной академіи. Академическая корпорація не разъ слышала изъ устъ архіепастыря, даже при торжественныхъ случаяхъ, такія его задушевныя выраженія: «Академія моя возлюбленная», «академія—мое любимое дѣтище».

Въ келейной жизни архіепастыря нельзя не обратить вниманія на особенное иконолюбіе его и благоговѣнное почитаніе имъ иконъ не только въ значеніи чувствъ молитвенныхъ, но и въ смыслѣ ухода за нимъ самаго тщательнаго и непремѣнно собственноручнаго. Нужно ли было налить елея въ лампадки, поправить или перемѣнить самый фитиль въ нихъ, онъ никогда не только не приказывалъ, но и не позволялъ дѣлать этого кому-нибудь. Совершалось все это имъ—самимъ съ великимъ усердіемъ. Въ извѣстныя времена предъ праздниками всѣ иконы онъ самъ же опахивалъ и отиралъ. Святыхъ иконъ было у преосвященнаго большое количество. Всѣ онѣ замѣчательны для него были тѣмъ, что получены были отъ лицъ, особенно имъ чтимыхъ и близкихъ къ его сердцу. Такова, напримѣръ, въ особенностяхъ икона Христа Спасителя—«Нерукотвореннаго образа», которую дядя его преосвященный Филаретъ Кіевскій вручилъ ему съ словами: «Возьми эту икону себѣ и сохрани ее навсегда какъ особенную святыню. Я тебѣ откры-

ваю, что на сей святой иконѣ я не-разъ сподоблялся видѣнія какого-то блистатя неземнаго свѣта, разлива-шагося на пречистомъ ликѣ Господа Спасителя». — Въ манерахъ, въ одеждѣ, въ убранствѣ комнатъ и вообще въ такъ называемомъ комфортѣ владыка отличался аккуратностью и изяществомъ.

Земное стяжаніе пресвященнаго, незначительное само по себѣ, уходило у него на приобрѣтеніе стяжанія небснаго, на дѣла благотворенія и нищую братію, которую почти ежедневно можно было встрѣтить при его домѣ, и которая особенно въ большомъ количествѣ стекалась сюда во дни праздничные. Въ духовномъ завѣщаніи онъ писалъ: «Денегъ у меня по смерти моей не искать, такъ какъ, по обѣту иноческой нестяжательности, я ихъ не собиралъ и не сберегалъ; а какія имѣлъ, тѣ употреблялъ на текуція нужды, на пособіе роднымъ и нищимъ и на другія дѣла благотворенія».

Послѣдніе три года своей жизни пресвященникъ страдалъ болѣзнію печени. При первомъ сильномъ проявленіи этой болѣзни онъ поспѣшилъ прежде всего вручить себя небесному Врачу душъ и тѣлесъ, потребовавъ совершить надъ нимъ таинство елеосвященія. Съ этихъ поръ онъ ежедневно приобщался Святыхъ Таинъ. 7 ноября 1879 года болѣзнь видимо стала приближаться къ концу. Весь этотъ день продолжалось почти безпрерывно у его кровати чтеніе каноновъ и акаѳистовъ. Въ 12-мъ часу ночи начато было чтеніе молитвъ на исходъ души. По окончаніи ихъ въ первомъ часу по полуночи, совершилось великое таинство разлученія души съ тѣломъ. Умеръ владыка на 64 году отъ рожденія, послѣ 12-ти лѣтняго святительствованія въ Казани. Отпѣваніе и погребеніе покойнаго совершено было 12 числа пресвященными Симбирскимъ Θεоктистомъ и ви-

каріемъ Казанской епархіи пресвященнымъ Павломъ.

Мѣсто для посмертнаго упокоенія архипастырь еще при жизни своей указалъ самъ — въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ, въ Рождественскомъ придѣлѣ; за лѣвымъ клиросомъ, и завѣщалъ устроить надъ нимъ кивотъ изъ имѣющихся въ его молитвенной и принадлежащихъ ему святыхъ иконъ. На могилѣ пресвященнаго лежитъ плита изъ бѣлаго мрамора съ осьмиконечнымъ крестомъ и соответствующею надписью. Плиту окружаютъ газоны съ разноцвѣтными душистыми растеніями, устрояемые многочисленными почитателями покойнаго архипастыря. Предъ иконами въ кивотѣ горитъ неугасаемая лампада, и мерцаютъ свѣчи, возжигаемая любовью къ почившему святителю.

Одинъ изъ Казанскихъ современниковъ пресвященнаго Антонія писалъ: «Казанская паства въ лицѣ въ Божѣ почившаго архієпископа своего Антонія проводила въ гробъ достойнѣйшаго архипастыря русской Церкви, святителя духа твердаго, честности неподкупной, убѣжденій непреклонныхъ; сама она такъ чтала его при жизни, что признавала за святаго».

Протоіерей Ф. Знаменскій.

Духовная журналистика въ 1904 году.

«Христіанское Чтеніе».

Духовная журналистика въ истекшемъ году продолжала внимательно относиться къ разнообразнымъ запросамъ современной богословской мысли и давала имъ на страницахъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ журналовъ соответствующее мѣсто и посильное разрѣшеніе. Во главѣ духовной журна-